

так же долго, с победителями торжество их разделяя, у Еллинов повсюду буду знаменит своим искусством.

ПФА РАН. Ф. 36. Оп. 1. Д. 208. Л. 11–18

Пиндар. Пифийская ода IV [Аргонавты]

*[Аркесилаю Киренскому
на победу в колесничном беге
песня заступническая за Дамофила]*

[л. 37] (1) Муза, сегодня должна ты явиться пред мужем, к тебе благосклонным, пред царем знаменитой конями Кирены, <должна ты явиться>, чтобы вместе с Аркесилаем, устроившим хоры, усилить ветер попутный для благодарственных песен, которыми должно почтить Латоны детей и Пифона. Там ведь, в Пифонии: жрица, сидящая возле золотых орлов Зевса в присутствии Аполлона пророчески нарекла Батта основателем поселений плодородной Ливии, <повелела ему,> чтобы он, покинув уже священный остров, построил на белеющем холме город, которому суждено было прославиться колесницами, и чтобы [л. 37 об.] (9) он исполнил вещее слово Медеи, сказанное шестнадцатью поколениями раньше. Некогда близ Феры изрекла его бессмертными устами смелая дочь Айета, царевна колхов.

Так она сказала полубогам, морякам воителя Ясона: «Услышьте, дети отважных мужей и богов: я говорю, что из этой, потрясаемой морем земли дочь Епафа некогда <возьмет> и посадит на почве Зевса Аммона корень славных городов. Променяют <их жители> короткокрылых дельфинов на коней и вместо весел будут править вожжами и колесницами, быстрыми, как вихри. Исполнится — сделает Феру матерью великих городов [л. 38] (19) то предзнаменование, которое некогда у устьев тритонова, Евфам, сойдя с корабельного носа, получил как гостинец от бога, принявшего вид человека и подавшего глыбу земли. И на счастье для него прозвучал при этом громами Кронион Зевс отец. <Это случилось,> когда встретился нам тот бог, меж тем как мы привешивали к кораблю меднозубый якорь, узду быстрой Арги. А перед тем двенадцать дней несли мы от Океана по хребту земли пустынной морское судно, вытащив его на сушу по моему совету. Тогда пришел к нам тот бог, облекшись в образ сановитого мужа. Он был один и начал говорить ласковые речи, какими добрые люди прежде всего предлагают [л. 38 об.] (31) трапезу чужеземцам, к ним пришедшим.

Но была причина, которая не позволяла нам остаться — желание <поскорее> домой возвратиться. А <о себе> говорил он, будто он Европы сын бессмертного земледержца, земли колебателя. Понимал он, что спешили мы. И вот сейчас же взяв с земли правой рукой, захотел он дать подарок,

какой случится. И герой не пренебрег его желанием, но, прыгнув на берег, протянул руку к руке бога и принял предзнаменовательную глыбу. Как я слышу, вечером она была смыта с корабля, утопилась с морской волной, унесена глубоким морем. Часто внушала я слугам, снимающим с нас [л. 39] (41) бремя труда, чтоб ее берегли, но забыли они. И вот теперь прежде времени бессмертное семя Ливии широкой лежит на этом острове. Ведь если бы владыка Евфам, сын Посидона-конника, рожденный некогда на берегах Кефиса Европой, дочь Тития, придя на священный Тенар, бросил эту глыбу дома в глубокую расщелину, служащую входом в Аид, то, когда произошло бы от него четвертое поколение, его потомство завладело бы вместе с Данаями тем широким материком. Тогда ведь <, при четвертом поколении,> Данаи должны покинуть великий Лакедемон и залив Аргивский и Микены. <Так было бы,> но теперь <должно быть иначе>. На ложе жен иноплеменных произведет себе он [л. 39 об.] (51) потомков. При помощи богов придут они на этот остров и здесь произойдет от них владыка черноземных равнин. И некогда в позднейшие времена, когда сойдет он в Пифийский храм, Феб в богатом своем чертоге предсказывает ему напомнить, что должен он отвезти? На кораблях многолюдную рать к тучному нильскому уделу Кронида сына».

Так она сказала. И от потока слов Медеи смутились богоподобные герои, не двигались, молчали, внимая мысли мудрой. И согласно тем словам, тебе, о счастливый сын Полимнеста, возвеличило пророчество дельфийской жрицы возгласом, которого не ждал и не просил ты. До трех раз к тебе с приветом обратившись, [л. 40] (62) провозгласила она тебя царем, назначенным судьбой для Кирены, меж тем как ты спрашивал, чем должен ты заплатить богам, чтобы избавиться от косноязычия речи. Всем это известно и впоследствии и теперь еще; славно в лучшую пору весной, цветами обильной, цветет потомство <Батта> <цветет> восьмой его отпрыск Аркесилай. Аполлон и Пифон через Амфиктионов дали ему славу на конских бегах. А я его посвящу Мусам <а вместе с ним> и руно золотое овна. Ведь тогда, когда за этим <руном> поплыли минийцы, насаждено было для них древо почестей, посланных богами.

В самом деле, что было начальной причиной их морского похода? Какая опасность, <словно> крепкими стальными [л. 40 об.] (71) гвоздями, приковала их к себе? Предсказано было, что Пелий умрет от доблестных эловых потомков, от их рук или от замыслов неодолимых. Холодом ужаса оледенило хитрый его ум пророчество, данное близ пула деревьями одетой матери сырой земли. <Пророчество гласило,> чтобы он всячески старательно остерегался человека с одним башмаком, когда тот от лежащего на крутой горе жилища придет в славный Иолк, в страну, обильно освеща-

ему солнцем, будет ли тот человек иностранец или туземец. И вот со временем явился этот человек. Грозный вид придавали ему два копья в его руках. А одежда двояко его облекала: был на нем и туземный наряд магнетов, тесно прилежавший к дивно прекрасным членам, [л. 41] (81) была и барсовая шкура, ею кругом он закрывался от дождей проливных. И длинные пряди прекрасных волос (на его голове) не были острижены, но спускались на спину, всю ее покрывая. Идя прямо <вперед> скоро, пытал свой дух непреклонный, стал он на площади, где во множестве толпился народ. Никто не знал его. И хотя все с благоговейным страхом на него смотрели, кто-то сказал однако и это: «Ведь, надо полагать, не Аполлон же это и, конечно, не Афродитин супруг, что ездит на медной колеснице? А сыновья Ифимедей От и ты, владыка, смелый Ефиальт, умерли, говорят, на [л. 41 об.] (90) роскошном Наксосе. Да ведь Тития уловила быстрая стрела Артемиды, вышедшая из непобедимого колчана; <наказан он,> чтобы впредь каждый желал достигнуть лишь той любви, которая ему дозволена».

Так говорили они, один другого сменяя. А между тем на блестящей колеснице, запряженной мулами, стремительно поспешно примчался Пелий. Оценел он, тотчас увидев очень заметную приметку: <у незнакомца> была обувь только на правой ноге. Скрывая в сердце страх, обратился <к нему Пелий> с такою речью: «Какую землю, чужестранец, своей родиной зовешь ты? И какое из человеческих существ, на земле рожденных, выносило тебя в своем белом чреве? Объясни твое [л. 42] (99) происхождение, не оскверняя <его> ненавистной ложью».

И ему, ободренный ласковой речью, отвечал <незнакомец>: «Я утверждаю, что нахожу себя <достойным> учеником Хирона. Ведь я возвращаюсь из пещеры, в которой воспитали меня Харикло и Филира, целомудренные дочери Кентавра. Проведя <там> двадцать лет и <за это время> ни делом, ни словом непристойным <ни разу> не оскорбив их <моих воспитателей>, вернулся я домой, чтобы вернуть отцу моему ту власть, тот сан почетный, который некогда Зевс даровал вождю народа Эола и детям Эола, и которым теперь <другие> владеют [л. 42 об.] (108) не по праву.

Я слышу, незаконный Пелий, последовав внушению бесстыдных мыслей, насильно отнял власть у моих родителей, которым изначально она принадлежала. Они, лишь только появился я на свет, испугавшись насилия со стороны своевольного властителя, устроив в доме плач по мне печальный, как будто бы я умер, меж тем как <в доме раздавались> горестные вопли женщин, тайком удалили меня в пурпуровых пеленках, доверив ночи тайну этого путешествия: они отдали меня на воспитание Хирону, Кронову сыну. Но <теперь> вы знаете самое главное из того, что сказать об этом я имею. [л. 43] (117) Укажите же мне ясно, добрые сограждане, где дом отцов моих,

владевших белыми конями? Ведь, как сын Айсона, земляк я вам, не чужестранец, не в чужую сторону пришел я. А называл меня Иасоном²⁴⁴ божественный кентавр, когда ко мне обращался».

Так сказал <пришелец>. Когда вошел он в свой дом, узнали его отцовские очи и закапали слезы из-под старческих вежд. Потому что обрадовался старец в сердце своем, увидя, что сын его из всех выдавался, что из мужей прекраснейшим был он. И пришли к ним, о <племяннике> услышав, оба <Айсонова> брата. Ферес покинул близко текущий источник Геспериду, а из Мессены [л. 43 об.] (126) пришел Амифан. Скоро явились к двоюродному брату Адмат и Меламп [в обоих именах ударение поставлено на первом слоге], чтобы выказать ему свое расположение. И Ясон на общем пиру, приветствуя их ласковой речью, устроив гостям пристойные подарки, доставлял им всякое веселье, подряд пять ночей и пять ночей срывая священные цветы радостной жизни.

Но на шестой день торжественно он родичам доверил от начала до конца весь свой замысел и их увлек. Быстро вместе с ними поднялся он с ложа пира. И пришли они к чертогу Пелия. Устремившись внутрь, остановились. Заслышав их, вышел навстречу [л. 44] (136) сам он, сын прекрасноволосой Тиры. А Иасон заговорил тихим голосом, закапали из уст его короткие слова, положил такое основание для речей разумных: «Сын Посейдона, дробящего скалы. Слишком склонен ум смертных предпочитать обманчивую выгоду правде, хотя, <поступая так,> они идут по пути к жестокому возмездию. Но мы с тобой, обуздав силой законности наши желания, должны ткать ткань благоденствия на будущие времена. Знаешь ты, конечно, что я скажу. Из одной утробы вышли и Крефей, и славный мыслью Салмоней. [л. 44 об.] (143) А от них в третьем колене произошли мы, которые <теперь> видим золотые лучи могучего солнца. А ведь Мойры отвращаются, спеша закрыть свое лицо от стыда, когда среди единокровных является вражда.

Непристойно мне с тобой поделить великое достояние предков при помощи медных копий и мечей. <Иначе хочу я устроить>. Я оставляю тебе и овец и стада коров светло-желтых, и все поля, которыми ты владеешь и утучняешь свое богатство, отняв их у родителей моих. Не болит <моя душа> из-за того, что имущества слишком возвышают твой достаток, а <из-за того богатства,> [л. 45] (152) что ты, как царь единоподданных, владеешь скипетром и троном, на котором восседал некогда сын Крефея, творя расправу для народа конников. Вот это, избегая взаимного огорче-

---

²⁴⁴ [Иасон=Ясон]

ния, предоставь ты нам, чтобы не возникло из-за этого какой-нибудь большой беды». Так-то сказал он.

Спокойно отвечал и Пелий: «Буду таков, <каким желаешь меня видеть>. Но я стою уже на старческой полосе жизни, а в тебе только что еще кипит <силами> цветущая молодость: можешь ты удалить гнев сил подземных. Фрикс повелевает <нам> пойти к Айетовым чертогам, чтобы вернуть на родину [л. 45 об.] (161) его душу и привести длинношерстное руно овна, на котором он некогда спасся от потопления в море и от покушения безбожной мачехи. Об этом говорил дивный сон, являвшийся мне. Спрашивал я в прорицалище у Кастальского источника, нужно ли тревожиться из-за этого сна. И оно меня побуждает как можно скорее отправиться на корабле, чтобы приводить <душу Фрикса>. Этот подвиг исполни ты добровольно, и, клянусь, я предоставлю тебе быть единодержцем, быть царем. Вот тебе крепкая клятва: да будет нам свидетель Зевс, от которого мы оба свой род ведем».

[л. 46] (168) Принявши этот договор, расстались они. А Ясон уже сам посылал вестников, чтобы везде объявлять, что снаряжается морской поход. И скоро пришли <к нему> трое сыновей Зевса Кронида, неутомимые в бою, дети прекрасноокой Алкмены и Леды, <пришли> и два длинноволосых мужа, дети потрясателя Земли, стыдясь посрамить славу о своей силе, один из Пила, другой с вершины Тайнара. И вполне оправдалась их добрая слава, и Евфимова <слава>, и твоя, Периклимен многосильный. А по воле Аполлона пришел гусяр, отец песней [л. 46 об.] (177) знаменитый Орфей.

Прислал на многотрудный подвиг и Гермес, властитель жезла золотого, двоих своих сыновей-близнецов, ликующих юностью: одного Ехионом <звали>, другого Еритом. Скоро явились и соседи оснований Пангея, Зетас и Калаис. Ведь сам добровольно с веселым сердцем торопил их царь ветров, их отец Борей. У обоих этих мужей возвышались на спинах пурпуровые крылья. Такое всесильное сладкое стремление к кораблю Арго разжигала Гера в сердце полубогов. Никто не хотел, от других отставши, сидя возле матери, спокойно наслаждаться [л. 47] (186) жизнью, свободной от опасностей, но каждый стремился вместе с другими сверстниками, хотя бы ценою жизни добыть прекраснейшее средство для прославления своей доблести.

А когда сошли в Иолк эти отборные моряки, принял их в свое ополчение, всех их одобрив, Иасон. И вот, ему угождая, пророк Мопсос, гадая о будущем по птичьему полету и по жребиям связанным, повелел рати взойти на судно. А когда они повесили якоря над корабельными носами, предводитель, став на корме и взяв в руки золотую чашу, стал <молиться>, поминая отца Уранидов громами вооруженного Зевса и быстронесущие

течения волн и ветров, ночи и [л. 47 об.] (195) дни, благоприятные для морского путешествия и желанный жребий возвращения домой. А с облаков раздался голос грома, предвещающий счастье, появились <из туч> вырываясь, яркие лучи молний. <С отрадой> вздохнули герои, божьим знамениям поверив. А толкователь предзнаменований, внушая сладкие надежды, повелел им налечь на весла. И начали быстрые руки неустанную греблю.

Провожаемые дыханием южного ветра, прибыли они к устью негостеприимного моря. Тут посвятили они участок Посидону пречистому, морскому богу. Оказались под рукой и стадо темных фракийских быков, и недавно сложенный из камней жертвенник, [л. 48] (206) сверху, как ладонь, углубленный. Идя в путь, обильный опасностями, молили они владыку кораблей, чтобы удалось им избежать яростного столкновения скал, набегающих одна на другую. Это были две живые скалы, и катились они быстрее, чем полки страшно гудящих ветров. Но наконец принес им смерть этот морской поход полубогов.

Затем пришли <герои> на Фасис-<реку>. Тут вступили в бой с чернолицыми Колхами у самой <столицы> Айета²⁴⁵. Впервые тогда рожденная на Кипре владычица самых острых стрел принесла с Олимпа людям птицу, ослепляющую ум любовной страстью, <принесла> пестрого иинга, крепко [л. 48 об.] (217) привязав оба крыла его и обе ноги к колесу, и научила мудрого Эсонова сына любовным заклинаниям, чтобы заставил он Медею к родителям почтенью потерять, чтобы страстное желание увидеть Елладу распалило сердце <девы> и бичом соблазна закружило <ее ум>. И скоро стала она показывать <Иасону>, как покончить с подвигами, которые приказывал совершить ее отец. Приготовив волшебные средства против неодолимой боли, она дала их <ему>, чтобы он употребил их вместе с маслом для намащенья. И дали они друг другу слово, что соединятся сладостным браком.

Выставил Аета среди обоих ополчений адамантовый плуг и желтых волов, [л. 49] (225) которые извергали из пастей пламя палящего огня и, переступая с ноги на ногу, медными копытами ударяли о землю. Повел он их и один привязал к ярму и, погнавши, стал проводить прямые борозды, на сажень вглубь раздирал хребет тучной земли, и так он сказал: «Если царь, тот, которому принадлежит власть над кораблем, совершит мне этот подвиг, пусть увозит с собой нетленное ложе, руно, блестящее золотой шерстью». Когда тот возгласил, он, Иасон, сбросив шафрановую одежду, полагаясь на помощь богов, принимался за работу, а огонь его не мучил, <спасали> настав-

---

²⁴⁵ [Айет=Аета]

ления чужеземки-чаровницы. Вытащив плуг <из земли>, связав упряжью шею упрямых волов и больно рожном ударяя громадных [л. 49 об.] (236) животных, могучий муж исполнил указанную долю работы. Огорчился Айт, хотя и безмолвно было его горе; изумил он сим <героя>.

А товарищи стирали белые руки к могучему мужу, венчали его венками из трав и приветствовали ласковыми речами. И тотчас солнцев дивный свет сказал, где Фрик растянул блестящее руно, когда заклал овна. Надеялся <царь>, что уж этого-то подвига не совершит <Иасон>. Ведь руно лежало в кустарнике, где держал его в кровожадной пасти змей. Тот змей толщиной и длиной превосходил корабль с пятью десятками весел, сооруженный ударами секиры.

[л. 50] (247) Долго идти мне большой дорогой. Ведь скоро пора <и кончать>. Притом же известен мне и короткий путь. Многих других определил я в искусстве. Хитростью убил он, о Аркесилай, грозно глядевшего пестрого змея и вместе с руном похитил Медю, Пелию на гибель. Побывали они и на широкой глади Океана, и на красном море, и у жительниц Лемноса, у женщин, которые избивали мужей своих. Здесь показали они свои телесные силы на состязаниях, в которых наградой служили наряды. И сочетались любовью.

И тогда-то судьбой определенный день или ночь на чуждой равнине семя вашего благоденствия. И блестящим [л. 50 об.] (255) отпрыском возшло оно. Насаженное там древо — Евфамово потомство впоследствии постоянно разрасталось. <Его потомки,> придя в селения Лакедемонян, через несколько времени переселились на остров Каллисту. О отсюда <ушли все> на Ливийскую равнину. Дал вам ее сын Латоны, чтобы вы с помощью богов возвеличили ее <богатством и силой>, разумно придумав, как управлять божественным городом Кирены златопрестольной.

Научись теперь мудрости Эдипа. Ведь если кто острой секирой, срубив ветви высокого дуба, обезобразит его дивную красу, то все же, и потеряв способность приносить плоды, <благородное дерево> само говорит о своем достоинстве, [л. 51] (266) когда в конце концов зимней порой в огонь попадает или, покинув родные места, в доме чужеземного владыки несет на себе тяжелое бремя, вместе с другими столбами подпирая <крышу>.

А кому же быть целителем, как не тебе, и бог врачевателей помогает благосклонно твоей славе. Надобно нежно прикоснуться рукой к ране, чтобы ее исцелить. Ведь потрясти <здание> государства легко и тому, кто еще не велик, но трудно бывает быстро опять утвердить его на месте, если только бог не станет кормчим для правителей. Для тебя готовится слава такой заслуги. Постарайся же посвятить всю свою [л. 51 об.] (276) заботливость благу счастья Кирены.

А из Гомеровых изречений, выслушав, прими к сердцу и это: «Доблестный вестник, — сказал он, — всякому событию сам собой служит великим украшением». Так и создание Музы становится тем прекраснее, чем больше достоинств имеет ее провозвестник. Знаком Кирене и славному Баттову чертогу праведный нрав Дамофила. Среди отроков отрок, а на совете мужей — это старец столетний; злоречие он делает немым, умеет ненавидеть злых, не споря против добрых и никакому делу промедлением не вредя. Ведь удобный случай <для дела> [л. 52] (286) ненадолго представляется людям. Хорошо узнает его <Дамофил>, последует за ним, как услужливый товарищ, а не как беспрекословно покоряющийся раб. Говорят, что всего горче, познавши счастье, быть поневоле от него вдали. А ведь, как Атлас, несущий на себе тяжесть небесного свода, несет на себе бремя невзгоды вдали от родной земли и от своих владений. Но ведь освободил же Зевс бессмертный Титанов. Проходит время, прекращается ветер попутный — и моряк меняет паруса. Испив чашу губительного горя, жаждет Дамофил увидеть, наконец, родной свой дом, чтобы, часто устроив пиры у Аполлонова источника, отдаться сердцем веселью юности и [л. 52 об.] (295) среди сограждан, певцов искусных, играя на прекрасной лире, никому не причиняя зла и сам от земляков не страдая. И рассказал бы он, какой обильный ключ бессмертных песен нашел он для Аркесилая, когда недавно стал гостем Фебы.

ПФА РАН. Ф. 36. Оп. 1. Д. 208. Л. 37–52 об.